

ПЧЕЛИНЫЕ КОНТЕКСТЫ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО

Ксения Алексеевна Нагина

доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

e-mail: k-nagina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7676-9228

Аннотация. Предметом исследования в статье является пчелиная топика в творчестве Л. Толстого и ее контексты. «Пчелиный текст» Толстого разворачивается в русле богатой литературной и философской традиции, в которой пчела выступает символом всяческих добродетелей, о чем свидетельствует пчелиная эмблематика в русской культуре XVIII–XIX вв. Отдельного внимания заслуживает басня Л. Хольберга, переведенная Д. Фонвизиным, отсылающая к «Басне о пчелах» Б. Мандевиля. В России традицию литературных памфлетов о пчелах продолжает Д. Писарев, чей памфлет «Пчелы» полемичен по отношению к «Двум различным версиям истории улья с лубочной крышкой» Толстого. У Писарева, в отличие от Толстого, пчела предстает жалким существом, исковерканным существующим порядком. Обоих авторов пчелы обращают к актуальному для эпохи половому вопросу, решаемому Толстым в «Крейцеровой сонате» в том числе с помощью пчелиной символики. В «Двух различных версиях истории улья с лубочной крышкой» Толстой затрагивает проблемы государственного устройства: трутни убеждены в том, что их усилиями управляется пчелиное государство, тогда как на самом деле пчелы поддерживают их жизнь исключительно из требований целесообразности. Сходясь с Писаревым в том, что народ не нуждается в правителях, Толстой, в отличие от него, делает пчелу символом всяческих добродетелей, в том числе самоотвержения и трудолюбия. Однако пчелы у Толстого вписываются и в эпистемологический контекст. В рассказе «Утро помещика» и романе «Анна Каренина» с пчелами связывается особый способ познания – с помощью «внимающего сознания».

Ключевые слова: Л. Толстой, «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой», пчелы, «Утро помещика», «Анна Каренина», государство, пути познания

Центральное место в «энтомологическом» тексте Л.Н. Толстого занимает «пчелиная» топика. Пчелы появляются у Толстого в двух контекстах: первый связан с размышлениями писателя об общественном устройстве и представлен его философскими и публицистическими сочинениями, второй – с поисками ответов на экзистенциальные вопросы, мучающие героев его художественных произведений. Эти два контекста имеют точку пересечения, и ею выступает мысль Толстого о человеке как общественном существе, обладающем интуитивной, врожденной способностью к постижению смысла бытия, который состоит в служении другим. «Пчелиная» топика подкрепляется страстным увлечением Толстого пчелами, и один из главных персонажей толстовского «пчелиного» текста, Константин Левин, явно наследует свою «пчелиную охоту» от самого автора.

Толстовский опыт наблюдения за жизнью пчел вписывался в литературную и философскую традицию, в которой пчелы «представлялись благословенным народом: считалось, что они чудесным образом рождаются, род их бессмертен, они целомудренны (“плотский чужд им союз”) и не рожают детей в муках, они сообща живут, работают, растят детей и питаются божьей росой. Мед (мудрость) служил пчелам достойной наградой за их добродетель» [Никифорова: 78]. В этом значении пчела была адаптирована русской культурой второй половины XVIII в. Она занимала

важное место в эмблематике, выступая символом пользы. В письме к Вольтеру Екатерина II сообщала свой девиз: «Пчела, в улей мед приносяща». Эти слова стали девизом Вольного экономического общества, соотносясь с требованием «пользы» [Пчелов: 221] и идеей «домостроительства» – не просто мудрым и рачительным ведением хозяйства, но и «распространением благодати» в его теологическом значении [Никифорова: 78].

Монументальным воплощением «метафоры улья», связанной с «образами золотого века и райского блаженства», «трудолюбия и самоотверженности пчел» [Там же: 82], по версии Л.В. Никифоровой, явился знаменитый янтарный кабинет. Здесь можно упомянуть и журналы А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела», Н.И. Новикова «Трутень», басню А.П. Сумарокова «Жуки и пчелы», перевод басни Л. Хольберга «О пчелах», осуществленный Д.И. Фонвизиним, а также книгу И. Локценя «Общество пчел, или Краткое сравнение правительства пчел с правлением гражданским», изданную в 1772 г. в Санкт-Петербурге на русском языке.

В басне, переведенной Фонвизиним, пчела, случайно залетевшая в чужой улей, уговаривает его хозяев, до того находившихся под «защитением богинь правосудия, смирения и спокойствия», принять новых «защитителей, которых почитают соседние пчелы», – «богинь» «честолюбие, роскошь, богатство» [Фонвизин: 297]. В улье обольщенных пчел

вместе с пороками начинают «возрастать богатство мнимое и благополучие»: «Торги, купечество и мануфактуры их пришли уже в цветущее состояние, так что они считали день тот блаженным». Однако «богатству последовали зависть, грабительство, убийство и неизвестные до того им болезни, которые произошли от изобилия и прочих неисчетных для них несчастий» [Там же: 298]. В итоге пчелы перестают служить новым богиням, и в ульях воцаряется порядок.

Басня Л. Хольберга, сатирически уподобляющая улей человеческому сообществу, отсылает к широко известной басне британского моралиста XVIII в. Б. Мандевиля о пчелах. Памфлет Б. Мандевиля «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества» (1714) «шокировал современников откровенным анализом буржуазного общества» и, «обратив на себя внимание многих выдающихся экономистов – от А. Смита и К. Маркса до Ф. Хайека и Дж.М. Кейнса» [Марков: 138], получил самые разные интерпретации. В этой басне Б. Мандевиль установил связь между социальными пороками и благосостоянием общества. Пороки рождали потребности, удовлетворение которых вело к развитию промышленности: «Таков здесь был гражданский строй, что благо нес изъян любой» [Мандевиль: 11].

В этом тезисе Б. Мандевиль вполне соотносится с Л. Хольбергом-Фонвизиним: в их басне пчелы «желаниям своим не могли

определить пределов» [Фонвизин: 298] – рост желаний явно способствовал экономическому подъему. Здесь можно усмотреть прямой след идеи Мандевиля. Пчелы Л. Хольберга становятся несчастными, поэтому возвращаются к старому укладу жизни – нравственному, но бедному. Так и в басне Мандевиля: по воле богов пчелы обретают добродетель. В этот момент их процветанию приходит конец: «Торговлю честность погубила, осталась уйма пчел без дел, и улей быстро опустел». Пчелы начинают жить в дупле – в бедности, но без пороков. Вывод таков: «В мирских удобствах пребывать, притом пороков избегать – нельзя» [Мандевиль: 21].

В России традицию литературных памфлетов о пчелах продолжает Д.И. Писарев, в памфлете «Пчелы» (1862) переведший рассуждения «ученых мужей» о человеческом сообществе в биологическую плоскость «действительной жизни» отдельного живого организма [Писарев: 98].

Писарев рассказывает об устройстве пчелиного улья, предлагая «не слишком увлекаться добродетелями пчел» [Писарев: 98] и усматривая в их укладе прообраз монархии. Однако жизнь пчелиной семьи всегда предоставляла интерпретатору тот материал, который он хотел видеть и толковать в соответствии со своими политическими убеждениями. Изданная в том же десятилетии в Санкт-Петербурге книга Л. Фигье «Жизнь насекомых» (1869) выдвигала версию о пче-

лином народовластии [Фигье]. Эту версию поддерживал и Л. Бюхнер в книге «Психическая жизнь животных» (1876), переведенной на русский язык в 1902 г. [Бюхнер].

В памфлете Писарева «царственные обязанности» матки позволяют ей, подобно Людовику XIV, заявить: «Государство – это я».

«За царицей следуют трутни, или самцы, далеко превосходящие работниц величиною тела; эти трутни не работают, не носят при себе оружия, много едят, оплодотворяют по очереди царицу и кроме этого не знают ни забот, ни обязанностей» [Писарев: 100].

А вот пчела, традиционно выступающая олицетворением всяческих добродетелей, предстает бестолковым и жалким существом, исковерканным существующим порядком. В неспособности пчел к деторождению и получению удовольствий, из которых состоит жизнь царицы и трутней, виновата вовсе не природа, а воспитание:

«...недостаточная пища задерживает развитие их половой системы и обрекает их на трудовую жизнь, лишённую наслаждения. <...> рабочая пчела, с трогательным, но совершенно нелепым самоотвержением, содействует поддержанию того уродливого порядка вещей, который лишает ее возможности пользоваться жизнью и производить потомство» [Писарев: 101].

В интерпретации Д.И. Писарева, «рабочие пчелы – жалкие парии, не чувствующие своего унижения, не способные из него выйти и поддерживающие в этом унижении следующее поколение <...> и так далее, до бесконечности. Это пролетарии, задавленные существующим порядком вещей...» [Там же]. «Половому вопросу» Писарев уделяет особое внимание, находя его чрезвычайно актуальным. «Самое оригинальное разделение труда: одни работают, другие едят и плодятся» – является порождением «самой уродливой гражданственности», которую не знали «ни древний Египет, ни древняя Индия», но знает современная Англия, которая, по Писареву, как раз и может дойти до того, что сделает брак «привилегией некоторых лиц и сословий». Д.И. Писарев уповает на то, что «подобный закон никогда не примется и не укоренится», поскольку «каждый нищий скорее согласится умереть, чем позволит превратить себя в рабочего кастрата, живущего для того, чтобы служить бутом или фундаментом для общественного здания». Злую насмешку у него вызывают «натуралисты», приходящие в «полнейшее умиление» от ума пчел и их «завидной способности жить в обществе себе подобных существ» [Писарев: 104].

К этим натуралистам явно относится Лев Толстой, который устами Позднышева, героя «Крейцеровой сонаты», предлагает человечеству взять на вооружение то самое пчелиное

безбрачие, которое стоит в центре сатирического памфлета Д.И. Писарева.

Эта тема вписана у Толстого в контекст размышлений о природе половой страсти. В разговоре со случайным попутчиком Позднышев утверждает, что половое влечение не является естественным для человека:

«...надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок, для того чтоб получить от него наслаждение».

– Как порок? – сказал я. – Ведь вы говорите о самом естественном человеческом свойстве.

– Естественном? – сказал он. – Естественном? Нет, я скажу вам напротив, что я пришел к убеждению, что это не... естественно. <...>

– Как же, – сказал я, – как же бы продолжался род человеческий?»

[Толстой 1982в: 145].

В ответ герой раздражается гневной тирадой, удивительным образом похожей на сатирические рассуждения Писарева по поводу мысли Джона-Стюарта Милля, обсуждающего этот вопрос на страницах «своей знаменитой книги “On liberty”»: «Он, величайший индивидуалист нашего времени, почти решаете признать за обществом право контролировать заключение браков и запрещать те брачные союзы, которые угрожают обществу приращением неимущих граждан и, следовательно, понижением задельной платы» [Писарев: 104].

Этих «английских лордов» вспоминает и герой Толстого, возможно, также намекая на книгу Милля:

«Да вот как бы не погиб род человеческий! <...> Проповедуй воздержание от деторождения во имя того, чтобы английским лордам всегда можно было обжираться, – это можно. <...> а заикнись только о том, чтобы воздерживаться от деторождения во имя нравственности, – батюшки, какой крик: род человеческий как бы не прекратился оттого, что десяток-другой хочет перестать быть свиньями» [Толстой 1982в: 145–146].

Далее из его цепочки рассуждений следует, что если у жизни есть цель, то «жизнь должна прекратиться, когда достигнется цель»:

«...если цель человечества – благо, добро, любовь <...> то ведь достижению этой цели мешает что? Мешают страсти. Из страстей самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти <...> цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить» [Толстой 1982в: 146].

Идеалом для человечества должен быть «идеал не кроликов или свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не обезьян или парижан, чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствиями половой страсти, а идеал пчел, «достигаемый воздержанием и чистотой» [Толстой 1982в: 146].

Эта логика просто не может не привести Позднышева к «пчелиной» топике:

«Высшая порода животных – людская, для того чтобы удержаться в борьбе с другими животными, должна сомкнуться воедино, как рой пчел, а не бесконечно плодиться; должна так же, как пчелы, воспитывать бесполок, то есть опять должна стремиться к воздержанию...» [Толстой 1982в: 147].

При таком подходе пчела возвращает себе традиционные добродетели, из забитого «пролетария-кастрата» превращаясь в символ самоотвержения и способности жить во благо других. То, что у Писарева служит предметом сатирического обличения, культивируется у Толстого. В его публицистических сочинениях пчела вписывается в контекст «жизни для других», в первую очередь, если речь идет о жизни человечества в целом. Особенно активно пчелиная метафорика используется в трактате «Так что же нам делать?». Разрушая «софизмы мирского учения», Толстой формулирует цель человеческой жизни – «служение другим людям и общечеловеческой цели»:

«Я понял, что закон этот нарушался и нарушается тем, что люди насилем, как грабительницы-пчелы, освобождают себя от труда, пользуются трудом других, направляя этот труд не к общей цели, а к личному удовлетворению разрастающихся похотей, и так же, как грабительницы-пчелы, погибают от этого» [Толстой 1983: 277].

Следующей главой в «пчелином» тексте русской общественной мысли являются «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой» Толстого. Замысел этого сочинения относится к 1888 г., когда Толстой упоминает о нем среди других сюжетов, в том числе «Фальшивого купона» и «Крейцеровой сонаты», в которой активно звучит «пчелиная» тема. Автограф же с окончанием «Истории улья» датируется 1900 г.

В памфлете Писарева акцент при изображении трутней как «привилегированного сословия» сделан на их праздности, ничтожности и жажде удовольствий. У Толстого же на первый план выдвигается убежденность трутней в том, что их усилиями управляется пчелиное государство – с этим, в общем-то, и связана центральная мысль «Истории улья». Трутни признают деятельность рабочей пчелы неудовлетворительной и вырабатывают меры, которые должны «содействовать более правильному труду пчел»:

«Тотчас же были избраны правители, их помощники, помощники помощников; цензоры нравов, наблюдатели, блюстители нравственности, судьи, жрецы, поэты и рассудители, и всем было положено соответствующее содержание и вознаграждение» [Толстой 1982б: 386].

Однако счастливая жизнь трутней длится недолго: в конце лета появляются «первые признаки возмущения», а затем рабочая пче-

ла перестает пускать трутней к сотам, и трутни погибают. Вывод, сделанный историком-трутнем, гласит: пчелы «очевидно погибли в анархии, лишившись своих руководителей» [Толстой 1982б: 386].

Во второй версии, «написанной пчелой», на первый план выдвигается идея справедливого народовластия: пчелы поддерживают жизнь «господ» исключительно из требований целесообразности. А когда в трутнях отпадает надобность, они уничтожаются: «...но улей не только не погиб, но в самом цветущем состоянии приготовился к зиме» [Толстой 1982б: 389].

Так что в мысли о том, что народ не нуждается в правителях, Толстой вполне сходится с Писаревым, заявляющим, что «народ... сам отлично знает свое дело, и вся государственная машина идет полным ходом <...> не допуская вмешательства» [Писарев: 107] королевы и трутней. Памфлет Писарева как раз и оканчивается там, где начинают назревать народные волнения. Расходятся Писарев и Толстой в другом: если первый акцентирует убогость пчелы, иронизируя по поводу ее самоотверженности, то второй, не изменяя себе, изображает пчелиную жизнь «неперестающей радостью труда» [Толстой 1982б: 388].

Радость, любовь, самопожертвование сопровождают пчелу и в художественных произведениях Толстого – в «Утре помещика» и «Анне Карениной». Однако здесь появля-

ется дополнительный контекст, связанный с толстовскими размышлениями о природе познания. Первое же художественное сочинение Толстого, в котором появляются пчелы, – рассказ «Утро помещика» – как раз и представляет тот особый способ познания, который Р. Густафсон назвал «внимающим сознанием», а Г. Пикфорд – «непосредственным пониманием» [Пикфорд: 13], или пониманием, «не требующим акта интерпретации в качестве обоснования» [Пикфорд: 12].

В раннем толстовском рассказе молодой помещик безуспешно пытается установить контакт с крестьянами, отделенными от него множеством барьеров. Главной коммуникативной и эпистемологической проблемой здесь становится непонимание, поскольку интерпретационный акт не в состоянии устранить эти барьеры. Пчелы появляются в тексте в тот момент, когда Нехлюдов приходит во двор к Дутлову – богатому крестьянину, владеющему пасекой. «Золотистая пчела» вкупе с «фигурой седого старичка с лучеобразными морщинками около глаз» [Толстой 1979: 359–366] вписывает происходящее в аркадийный контекст, заставляя Нехлюдова еще раз осознать свою цель – создать для крестьян идеальный мир, в котором они все будут обязаны ему своим благополучием [Толстой 1979: 360].

Пчелы облепляют старика Дутлова, не жалея его, но нападают на Нехлюдова, выгоняя из пчельника: «Хорошо, после, сейчас... –

проговорил Нехлюдов и, не в силах уже более терпеть, отмахиваясь обеими руками, рысью выбежал в калитку» [Толстой 1979: 361].

С сыном старика Дутлова Илюшкой связан тот самый способ познания, который неожиданно для себя апробирует Нехлюдов. Он садится за рояль и, импровизируя, заново проживает свой день. В грезах он видит тех же крестьян, которых посетил утром и от которых был отделен стеной непонимания. Но теперь они предстают перед ним в новом свете, потому что Нехлюдов начинает сопереживать им, в итоге отождествляя с самим собой. Завершает эту сцену «непосредственного понимания» транспозиционный перенос Нехлюдова в Илюшку, и мыслью героя: «Зачем он не Илюшка?» [Толстой 1979: 371] – Толстой заканчивает текст.

Еще теснее с актом понимания пчелы связаны в романе «Анна Каренина». Левин идет дальше Нехлюдова: он заводит собственную пасеку, как и сам Толстой, так что размышления героя о смысле существования вписываются в «пчелиный» контекст. Он приходит к мысли о том, что «понимание не требует интерпретации» [Пикфорд: 65]. Как замечает Г. Пикфорд, Левин «ищет исцеления от метафизического семантического скептицизма, сопутствующего картезианской структуре» [Пикфорд: 78].

Герой перечитывает Платона, Спинозу, Канта, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра – «тех

философов, которые не материалистически объясняли жизнь» [Толстой 1982а: 385]:

«...нарочно вдаваясь в ту ловушку слов, которую ставили ему философы или он сам себе, он начинал как будто что-то понимать. Но стоило забыть искусственный ход мысли <...> вся эта искусственная постройка заваливалась, как карточный дом» [Толстой 1982а: 385].

Он «близок к самоубийству» [Толстой 1982а: 387], но привычный ход жизни придает ей смысл». Хозяйственные дела «вместе с охотой за дичью и новой пчелиной охотой» наполняют «всю ту жизнь Левина, которая не имела для него никакого смысла, когда он думал» [Толстой 1982а: 388]. Вначале Толстой сообщает о новой «пчелиной охоте», увлекшей его героя. Затем говорит о пчелах, выступающих символом «высшего инстинкта» – изначального, внерационального владения тайной смысла бытия. И смысл этот не может быть индивидуалистическим, он может быть только «роевым»: «Человек так сотворен, что он не может жить один, так же как не могут жить одни пчелы; в него вложена потребность служения другим» (дневник 1895 г.) [Толстой 1953: 4].

Когда Левин слышит слова подавальщика Федора о «дяде Фоканыче», который «для души живет» и «Бога помнит» [Толстой 1982а: 392], то неожиданно для самого себя преодолевает «семантический скептицизм» –

то есть «свою волю к интерпретации» [Пикфорд: 85].

«Он начинает понимать, что требования скептика объяснить ему, в чем смысл жизни или что есть добро <...> бессмысленны: он не в состоянии “придумать” даже, как может выглядеть разумный ответ, и поэтому возвращает вопрос о значении на подобающее ему место – в сообщество, внутри которого этот вопрос задается» [Пикфорд: 83]: «Я искал ответа на мой вопрос. А ответа на мой вопрос не могла мне дать мысль, – она несоизмерима с вопросом. Ответ мне дала сама жизнь, в моем знании того, что хорошо и что дурно. А знание это я не приобрел ничем, но оно дано мне вместе со всеми, дано потому, что я ниоткуда не мог взять его» [Толстой 1982а: 395]. В тот момент, когда Левину наконец открывается «непроизвольное, непосредственное понимание» [Пикфорд: 85] смысла бытия, когда он должен «просто принять то, что дано» [Пикфорд: 86], Толстой использует метафору пчелиного роя:

«При словах мужика о том, что Фоканыч живет для души, по правде, по-божьи, неясные, но значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти и, все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом» [Толстой 1982а: 392].

«Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целое рой разроз-

ненных, бессильных отдельных мыслей...» [Толстой 1982а: 393].

Пчелы сопровождают «феномен непроизвольного <...> нерассуждающего понимания – феномен, который помогает Левину примириться со своим скептицизмом» [Пикфорд: 388]. И далее Толстой показывает, как Левин становится хозяином на собственной пасеке – в отличие от Нехлюдова, который находится только в самом начале того пути, который проделал герой «Анны Карениной».

Таким образом, в каком бы пространстве ни разворачивался «пчелиный» текст Толстого и с какими бы мотивами ни сопрягался, его доминантами остаются идеи добра, любви, самоотвержения и веры, рождающейся на путях «нерассуждающего понимания».

Литература

Бюхнер, Л. Психическая жизнь животных. Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1902.

Мандевиль, Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М.: Наука, 2000.

Марков, В.В. «Басня о пчелах» Мандевилля и ее восприятие в экономической науке XVIII–XX веков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2003. Серия 5. Вып. 1 (5). 138–143.

Никифорова, Л.В. «Метафора улья» и янтарная комната в Екатерининском дворце

Царского села // Международный журнал исследователей культуры. 2012. № 4 (9). С. 76–84.

Пикфорд, Г. Мыслить как Толстой и Витгенштейн: искусство, эмоции и выражение / пер. с англ. О. Бараш. СПб.: Academic studies press / Библиороссика, 2021.

Писарев, Д.И. Пчелы // Соч. В 4-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1955. С. 98–120.

Пчелов, Е.В. Пчелы в европейской и русской эмблематике и геральдике // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 10. М.: РГГУ, 2012. С. 215–223.

Толстой, Л.Н. Дневник 1895 г. // Полн. собр. соч. В 90 тт. Т. 53. М.; Л.: Художественная литература, 1953. С. 3–77.

Толстой, Л.Н. (1982а). Анна Каренина // Собр. соч. В 22 тт. Т. 9. М.: Художественная литература, 1982. С. 7–416.

Толстой, Л.Н. (1982б). Две различные версии истории улья с лубочной крышкой // Собр. соч. В 22 тт. Т. 12. М.: Художественная литература, 1982. С. 385–389.

Толстой, Л.Н. (1982в). Крейцера сона // Собр. соч. В 22 тт. Т. 12. М.: Художественная литература, 1982. С. 123–196.

Толстой, Л.Н. (1983). Так что же нам делать? // Собр. соч. В 22 тт. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 166–398.

Толстой, Л.Н. (1979). Утро помещика // Собр. соч. В 22 тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1979. С. 322–374.

Фигье, Л. Жизнь насекомых. Санкт-Петербург: ред. журн. «Всемирный путешественник», 1869.

Фонвизин, Д.И. О пчелах // Собр. соч. В 2 тт. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1959. С. 297–298.

References

Byuhner, L. (1902). *Psihicheskaya zhizn' zhivotnyh* [Mental life of animals]. Saint Petersburg: F. Pavlenkov.

Fig'e, L. (1869). *Zhizn' nasekomyh* [Life of insects]. Saint Petersburg: Vsemirnyj puteshestvennik.

Fonvizin, D.I. (1959). О pchelah [On bees]. *Sobr. soch. V 2 tt.* [Collected works in 2 vols] (Vol. 1). Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 297–298.

Mandevil', B. (2000). *Basnya o pchelah, ili Poroki chastnyh lic – blaga dlya obshchestva* [The fable of the bees, or the vices of private individuals are benefits for society]. Moscow: Nauka.

Markov, V.V. (2003). “Basnya o pchelah” Mandevilya i ee vospriyatie v ekonomicheskoy nauke XVIII–XX vekov [“The Fable of the Bees” by Mandeville and its perception in economic science of the 18th–20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Saint Petersburg State University], 1 (5), 138–143.

Nikiforova, L.V. (2012). “Metafora ul'ya” i yantarnaya komnata v Ekaterininskom dvorce Carskogo sela [“Metaphor of the beehive”

and the amber room in the Catherine Palace of Tsarskoye Selo]. *Mezhdunarodnyj Zhurnal Issledovatelej Kul'tury* [International Journal of Cultural Researchers], 4 (9), 76–84.

Pchelov, E.V. (2012). Pchely v evropejskoj i russkoj emblematike i geraldike [Bees in European and Russian emblems and heraldry]. *Trudy "Russkoj Antropologicheskoi Shkoly"* [Proceedings of the Russian Anthropological School], 10, 215–223.

Pickford, H.W. (2021). *Thinking with Tolstoy and Wittgenstein. Expression, emotion, and art* (O. Barash, Trans.). Saint Petersburg: Academic studies press / Bibliorossika.

Pisarev, D.I. (1955). Pchely [Bees]. *Soch. V 4-h tt.* [Works in 4 vols] (Vol. 2). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 98–120.

Tolstoy, L.N. (1953). Dnevnik 1895 g. [Diary of 1895]. *Poln. sobr. soch. V 90 tt.* [Complete works in 90 vols.] (Vol. 53). Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 3–77.

Tolstoy, L.N. (1982a). Anna Karenina [Anna Karenina]. *Sobr. soch. V 22 tt.* [Collected works in 22 vols.] (Vol. 9). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 7–416.

Tolstoy, L.N. (1982b). Dve razlichnye versii istorii ul'ya s lubochnoj kryshkoj [Two different versions of story of a hive with linden cover]. *Sobr. soch. V 22 tt.* [Collected works in 22 vols.] (Vol. 12). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 385–389.

Tolstoy, L.N. (1982c). Krejcerova sonata [The Kreutzer Sonata]. *Sobr. soch. V 22 tt.* [Collected works in 22 vols] (Vol. 12). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 123–196.

Tolstoy, L.N. (1983). Tak chto zhe nam delat'? [What shall we do?]. *Sobr. soch. V 22 tt.* [Collected works in 22 vols] (Vol. 16). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 166–398.

Tolstoy, L.N. (1979). Utro pomeschchika [The Morning of the landowner]. *Sobr. soch. V 22 tt.* [Collected works in 22 vols] (Vol. 2). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 322–374.

Для цитирования: Нагина, К.А. Пчелиные контексты творчества Л.Н. Толстого // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 1. С. 137–148. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-137-148

For citation: Nagina, K.A. (2024). Bee contexts of L. Tolstoy's creativity. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (1), 137–148. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-137-148

BEE CONTEXTS OF L. TOLSTOY'S CREATIVITY

Ksenia A. Nagina, Doctor of Philology, Professor of Voronezh State University (Voronezh, Russia);
e-mail: k-nagina@yandex.ru

Abstract. The subject of this research is the 'bee' topoi and their contexts in the oeuvre of L. Tolstoy. Tolstoy's "Bee Text" unfolds in line with rich literary and philosophical tradition in which bee is known as a symbol of all sorts of virtues. It is evidenced by bee emblems in Russian culture of the XVIII–XIX cent. L. Holberg's fable, translated by D. Fonvizin, which refers to "The Fable of the Bees" by B. Mandeville, deserves special attention. In Russia, the tradition of literary pamphlets about bees is continued by D. Pisarev, whose pamphlet "Bees" is polemical in relation to Tolstoy's "Two different versions of story of a hive with linden cover". In Pisarev, unlike Tolstoy, bee appears as a pitiful creature, suffering from the existing order. For both authors, bees address the sexual issue, which Tolstoy addresses in "The Kreutzer Sonata" with the help of bee symbolism. In "Two different versions of story of a hive with linden cover" Tolstoy raises the problem of government: drones are convinced that their efforts help governing the bee state, while in fact bees support their lives solely out of demand for expediency. Agreeing with Pisarev in question that people do not need rulers, Tolstoy, unlike him, makes bee a symbol of all sorts of virtues, including selflessness and hard work. However, Tolstoy's bees also fit into an epistemological questioning. In the story "The Morning of the Landowner" and the novel "Anna Karenina" a special way of cognition is associated with bees and with the help of "attentive consciousness".

Key words: L. Tolstoy, "Two different versions of the history of a hive with a popular print cover", bees, "Morning of the Landowner", "Anna Karenina", state, ways of knowledge

